

САДЕК
ХЕЛАНТ

Annotation

Хедаят, Садек. Избранное: Пер. с перс. / [Предисл. Д. Комиссарова и А. Розенфельда]. — Москва: Гослитиздат, 1957. - 358 с., 1 л. портр.; 21 см. Садек Хедаят (1903 — 1951) — иранский писатель, филолог и общественный деятель. Настоящее издание составили избранные повести и рассказы писателя.

- [БРОДЯЧИЙ ПЕС](#)
-

БРОДЯЧИЙ ПЕС

Несколько маленьких лепешечных, мясная, лавчонки с москательными товарами и лекарственными снадобьями, две чайные и цирюльня, — заведения, предназначенные для утоления голода и удовлетворения самых простых потребностей, — вот и все, что составляет площадь в Верамине. И площадь и люди, обгоревшие под безжалостными лучами солнца, мечтают о вечерней тени и прохладе. Люди, лавки, деревья и животные не проявляют признаков жизни. Горячий воздух неподвижен. Духота кажется особенно тяжелой от пыли, которую поднимают к синему небу проносящиеся автомобили.

На одной стороне площади стоит старая чинара, сердцевина ее уже высохла, но она с прежним упорством широко простирает свои искривленные ветви. Под этими пыльными ветвями устроено глиняное возвышение, на котором стоят два мальчика и звонкими голосами выкрикивают названия своих товаров — молочную рисовую кашу и тыквенные семечки. Грязная мутная вода медленно течет мимо чайной. Единственное, что может здесь привлечь внимание, — это знаменитая вераминская башня; с площади видна половина потрескавшегося цилиндрического основания и конусообразная крыша. Даже воробьи, строившие свои гнезда в трещинах кирпичей, от сильной жары замолкли и дремлют.

Тишину прерывает лишь унылый вой собаки. Это шотландский сеттер с мордой дымчатого цвета и черными пятнами на лапах. Казалось, что он испачкал их, бегая по болоту. У него большие уши, опущенный хвост, покрытая грязью блестящая шерсть, и на заросшей морде светятся глаза, которые кажутся осмысленными. Этому трудно поверить, но в них есть что-то человеческое. В полночь, когда пес оживает, эти глаза мерцают каким-то непонятным, полным особого смысла, бездонным блеском. Такое выражение глаз бывает у раненой газели. В карих глазах бродячей собаки — боль, усталость и ожидание. Но никто не видит и не понимает этого просящего больного взгляда. Возле хлебной лавки пса бьет мальчишка — подручный булочника, у мясной в него швыряет камнями приказчик мясника. Если он ложится в тень автомобиля, на него обрушивается удар тяжелого, подбитого гвоздями сапога шофера. А когда, кажется, уже всем надоедает издеваться над псом, наступает очередь мальчишки, продающего под чинарой рисовую кашу. Он с особым удовольствием мучает собаку. За жалкое повизгивание собака получает удар камнем, вслед за ее стоном слышится громкий смех и возгласы: «Ах ты, тварь неверного!» Все исподтишка поощряют мальчика, все как будто с ним заодно. Им кажется вполне естественным мстить грязной собаке, презираемой религией и обладающей семью душами¹. Они поступают так, думая, что совершают богоугодное дело.

В конце концов мальчик довел собаку до того, что несчастное животное вынуждено было скрыться. Голодный пес с трудом тащился по улице, ведущей к башне, и, наконец, забился в отверстие, сделанное в заборе для стока воды. Положив голову на передние лапы и свесив язык, он в полудреме рассматривал зеленое поле, раскинувшееся перед его глазами.

Тело сковывала свинцовая усталость. Но здесь, в этом влажном и прохладном месте, пес наслаждался покоем. Запах увядающей зелени вызывал далекие воспоминания.

Всякий раз, когда он смотрел на поле, в нем пробуждались страстные желания; какая-то неудержимая сила заставляла его двигаться, ему непреодолимо хотелось бегать, прыгать.

Это было наследственное чувство: все его предки воспитывались в Шотландии, на свободе, на зеленых просторах. Но тело так болело, что он не мог шевельнуться, чувствуя только слабость, бессилие. Его волновали забытые ощущения. Раньше у него были какие-то обязанности: он должен был бежать на зов хозяина, знал, что нужно лаять на чужого человека

или чужую собаку, играть с ребенком хозяина, умел обращаться со своими и с чужими, помнил время обеда и за все это получал ласку... Теперь у него отняли эти обязанности.

Целыми днями в постоянном страхе копался он в мусоре, разыскивая остатки пищи, или выл, получая пинки и удары. Визг и вой были для него единственными средствами защиты. Когда-то он был чистым, смелым и бесстрашным, а теперь стал грязным, трусливым и покорным. Любой звук, всякий упавший предмет приводил его в трепет, он пугался даже собственного голоса. Пес уже привык к грязи и мусору. Когда чесалось тело, у него не было даже желания искать блох. Он чувствовал, что стал частью мусора. В нем что-то умерло.

С тех пор, как пес попал в это проклятое место, прошло две зимы. За это время он ни разу не был сыт, ни разу не спал спокойно. Он ни разу не встретил человека, который погладил бы его по голове или заглянул в глаза. Хотя некоторые люди внешне и напоминали ему хозяина, но их поступки отличались от ласки хозяина, как небо от земли. Те, кого он знал раньше, были ближе ему, лучше понимали его страдания и муки.

Среди других запахов его особенно волновал запах молочной рисовой каши, которую продавал мальчишка. Эта белая жидкость удивительно напоминала ему материнское молоко и будила в нем ощущения детства.

Неожиданно его охватило какое-то оцепенение. Ему представилось время, когда он был еще щенком и, припав к соскам матери, сосал теплую вкусную жидкость, а мать облизывала его своим мягким языком. Перед ним как будто оживал опьяняющий тяжелый запах матери и находившегося рядом брата. Когда он, наевшись досыта, пьянел от молока, по всему телу разливались покой и тепло. Его тяжелая голова отваливалась от материнской груди, и он погружался в глубокий сон, ощущая сладостную дрожь в теле. Каким большим наслаждением для него было надавить передними лапами на материнскую грудь и без всяких усилий втягивать в себя молоко. Пушистое тело брата, голос матери — все это таило в себе неизъяснимую прелесть. Ему вспоминалась деревянная конура, в которой он жил раньше, игры с братом в саду: он кусал брата за отвислое ухо, они катались по земле, потом вскакивали и носились по зеленой траве. Позднее он нашел другого партнера по играм. Это был сын хозяина. Он бегал за мальчиком по саду, лаял, хватал зубами его одежду. Он не мог забыть ласки хозяина, не мог забыть сахар, который осторожно брал из его рук. Но сына хозяина он любил больше всех, потому что тот играл с ним и никогда не бил его. Потом он как-то сразу потерял и мать и брата, остались лишь хозяин, его жена и сын и старый слуга. Он прекрасно различал запах каждого из них и издали узнавал их шаги. Когда наступало время обеда или ужина, все усаживались за столом и раздавался стук ножей и вилок, он настороженно бродил около стола и нюхал пищу. Иногда жена хозяина, несмотря на запрещение мужа, оставляла ему какой-нибудь лакомый кусочек. Затем приходил старик слуга, звал «Пат... Пат!..» и наливал еду в чашку, стоявшую около будки.

Время шло, и Пат стал ощущать одиночество, он тосковал о подруге, и это его погубило. Хозяин не разрешал Пату покидать дом и бегать за собаками. Однажды осенью хозяин и два других человека, которых Пат знал и которые приходили к ним в дом, сели в автомобиль, позвали Пата и посадили его рядом. Пат много раз ездил в автомобиле со своим хозяином, но в этот день он был возбужден и особенно взволнован. Через некоторое время они остановились на вераминской площади и вышли из автомобиля. Хозяин и те двое пошли по улице, ведущей к башне, но в это время Пат почуял запах собаки, самки, особый запах, родной и зовущий. И этот запах заставил его забыть обо всем. Он несколько раз вдохнул воздух, беспокойно забегал и, наконец, через дыру в заборе проник в сад.

На закате до него дважды донесся голос хозяина, он звал «Пат.... Пат!..» Был ли это действительно голос хозяина, или только эхо, звеневшее в ушах?

Хотя голос хозяина сразу напомнил ему его обязанности, долг, однако какая-то необычайная сила удерживала его около подруги. Он почувствовал, что уши его глухи ко всем звукам мира. В нем пробудилось необыкновенное чувство. Запах самки был настолько острым и сильным, что у Пата закружилась голова. Тело и рассудок перестали ему повиноваться... Но очень скоро набежали люди с палками и лопатами и выгнали его из сада.

Пат, взволнованный и усталый, но успокоившийся, отправился на поиски хозяина. В некоторых переулках оставался его слабый запах. Пат все осмотрел, и, наконец, след привел его к развалинам за городом. Но затем Пат снова вернулся, так как понял, что хозяин возвращался на площадь. Здесь же, среди других запахов, слабый запах хозяина совсем исчез. Неужели хозяин уехал, а его оставил здесь? Пат почувствовал волнение и страх. Как он сможет жить без своего хозяина, без своего божества? Ведь хозяин был для него богом, он не мог его бросить, он будет его разыскивать. В страхе Пат метался по городу, но все было напрасно.

Наступила ночь. Усталый, разбитый, Пат вернулся на площадь. От хозяина не осталось никаких следов. Он несколько раз обежал городок. Затем он пошел к тому отверстию в заборе, через которое проник в сад к своей подруге, но оно было завалено камнями. Пат торопливо начал рыть землю лапами в надежде, что ему удастся проникнуть в сад, но это было невозможно. Опечаленный, он скоро задремал.

В полночь Пат проснулся от собственного повизгивания. Он испуганно поднялся, снова обегал несколько улиц, обнюхал стены и в конце концов почувствовал сильный голод. Когда он вернулся на площадь, до него донеслись запахи еды: оставленного на ночь мяса, свежего хлеба, маста — кислого молока, — все смешалось вместе, но он тут же почувствовал себя виноватым: он забрался в чужие владения. Теперь нужно попрошайничать у людей, так похожих на его хозяина. Если не появится соперник, который его прогонит, то постепенно он получит право на эти владения. Может быть, кто-нибудь из людей, в чьих руках находится вся эта еда, станет ему покровительствовать. Осторожно он приблизился к пекарне, которая только что открылась и от которой шел запах печеного хлеба. Человек, державший под мышкой лепешку, позвал его: «На... На!..» Каким странным показался ему этого голос! Человек бросил ему кусок теплого хлеба. После некоторого колебания Пат съел этот кусок и в ответ вильнул хвостом. Человек положил лепешку на крылечко и с большой осторожностью погладил Пата по голове, затем обеими руками быстро расстегнул ошейник Пата. Какое чувство покоя! Как будто с плеч Пата сразу сняли всю ответственность, все обязанности! Но когда он во второй раз, виляя хвостом, приблизился к хозяину лавки, он получил сильный удар в бок и, визжа, отбежал. Хозяин лавки подошел к арыку и совершил тщательное омовение. Теперь Пат видит свой ошейник висющим на дверях лавки.

Начиная с этого времени, Пат не видел от людей ничего, кроме побоев, пинков и ударов камнями, как будто все они были его кровными врагами и находили наслаждение лишь в том, чтобы его мучить. Пат чувствовал, что он попал в иной мир, где он не мог найти себя и где никто не понимал ни его чувств, ни желаний. Первые дни ему было очень трудно, но потом он постепенно привык.

В конце одной из улиц он отыскал свалку, где сбрасывали разный мусор. Среди этого мусора ему удавалось отыскать что-нибудь съедобное: кости, жир, кожу, рыбы головы. Весь день он бродил возле пекарни или мясной лавки, устремив голодный взгляд на руки мясника; однако он получал больше пинков, чем вкусных кусков. Со временем он примирился с новой жизнью. От прошлого оставались лишь какие-то смутные воспоминания и некоторые запахи, и всякий раз, когда ему было особенно тяжело, он находил слабое утешение в воспоминаниях о потерянном рае.

Больше всего мучила Пата жестокость людей. Он был похож на ребенка, которого все обижают, а в новой жизни ему так нужна была ласка. Его глаза молили о ласке, и он готов был отдать свою душу всякому, кто приласкал бы его или погладил по голове. Он хотел выразить кому-нибудь свою любовь, совершить ради кого-нибудь подвиг, показать свою привязанность и самоотверженность... Но, кажется, никто не нуждался в его преданности. Никто его не защищал, и, в чьи бы глаза он ни заглянул, он не читал в них ничего, кроме мстительности и злобы. И все его попытки привлечь внимание этих людей вызывали в них еще большую ненависть и злобу...

Пат спал в канаве. Он застонал, как будто во сне его давил кошмар, и проснулся. Очень захотелось есть, откуда-то доносился запах шашлыка. Жестокий голод выворачивал внутренности. Пат даже забыл о своей слабости и боли. Он с трудом поднялся и, ковыляя, поплелся к площади.

В это время на площадь, сильно гудя и поднимая клубы пыли, въехал автомобиль. Из автомобиля вышел человек и направился к Пату. Он погладил животное по голове. Этот человек не был его хозяином, Пат не мог ошибиться, он очень хорошо помнил запах своего хозяина. Но откуда взялся человек, приласкавший его? Пат повилял хвостом и с сомнением посмотрел на человека. Не ошибся ли он? Ведь у него больше не было ошейника, зачем же понадобилось его ласкать? Человек вернулся и снова погладил его по голове. Пат пошел за ним. Человек вошел в дом, который Пат хорошо знал и из которого доносились запахи пищи. Человек сел на скамью у стены. Ему принесли горячую лепешку, маст, яйца и другую еду. Человек обмакнул кусочек лепешки в маст и бросил Пату. Пат сначала торопливо, а потом спокойнее стал жевать лепешку и с благодарностью, устремив свои глаза в лицо этого человека, завилял хвостом. Было ли все это наяву или во сне? Пат наелся досыта, никто не мешал ему, никто не бил его. Неужели это было возможно, неужели он нашел нового хозяина? Несмотря на сильную жару, человек поднялся. Он пошел на улицу, ведущую к башне, пробыл там недолго, затем зашагал по извилистым улочкам. Пат все бежал за ним, пока он не вышел за город. Человек направился к развалинам, куда ходил и его хозяин. Наверно, эти люди искали здесь своих самок! Пат дождался его в тени стены, а потом другой дорогой они вместе вернулись на площадь. Человек опять погладил Пата по голове и после небольшой прогулки по площади сел в автомобиль. У Пата не хватило смелости тоже сесть в этот автомобиль. Он пристроился возле машины, вопросительно поглядывая на человека. Но вдруг автомобиль рванулся с места и понесся по пыльной дороге. Пат кинулся за ним. Нет, на этот раз он не хотел упустить этого человека. Задыхаясь и преодолевая боль, которую он чувствовал во всем теле, Пат быстро побежал за автомобилем. Автомобиль выехал за город и помчался по степи. Пат один или два раза настигал автомобиль, но потом стал отставать. Он собрал все свои силы и пытался даже прыгнуть в машину, но автомобиль уходил от него все дальше и дальше. Вот он опять совершил ошибку, теперь ему не догнать автомобиль, он слишком слаб. Сердце бешено колотилось, он вдруг почувствовал, что тело ему больше не повинуется. Все его усилия были тщетны. Он уже не знал, зачем он бежит, не знал, куда бежит. Впереди ничего не было. Он остановился, тяжело дыша. Высунул язык. В глазах потемнело. Опустив голову, Пат с трудом отошел от дороги, лег в арык, протекавший по краю поля. Своим особым чутьем, которое его никогда не обманывало, он понял, что больше никогда не встанет. Голова кружилась, рассудок помутился. Вдруг он ощутил острую боль в животе. В глазах у него блеснул какой-то свет. Судорога свела туловище пса, лапы его постепенно немели. На теле выступил холодный пот. Стало прохладно и приятно.

Перед заходом солнца над головой Пата закружились три голодных ворона. Один из них осторожно снизился, внимательно осмотрел неподвижно лежавшего Пата, но, убедившись,

что он еще жив, взмыл опять кверху.

Три ворона прилетели, чтобы выклевать карие глаза Пата!

Заметки

[1]

Собака у мусульман считается нечистым животным и, по народным поверьям, обладает семью душами.